

Юрий Каграманов

Как поменять судьбу

Заметки о современной апокалиптике

...Ход веков подобен притче
И может развалиться на ходу.

Борис Пастернак

Ночные ветры, дующие с западной стороны, главным образом из Соединенных Штатов, и с южной, из некоторых мест Ближнего Востока, рождают в нашей среде настроения, которые принято называть апокалиптическими, и особенно это относится к молодежи. Дневной отсчет времени — от некоторых основополагающих событий (Сотворение мира, Рождество Христово) исподволь вытесняется ночным — от Конца.

«Откровение Иоанна Богослова» — «Апокалипсис» по-гречески — заключительная часть Нового Завета, канонически принятая в христианстве. Притом ни в православии, ни в католичестве события, в нем описанные, не должны вызывать страха или какой-нибудь иной болезненной реакции. О том, что произойдет в будущем, «надлежит знать», и точка. Примечательно, что никакие тексты из «Откровения» не попали в состав православной литургии. Первейший авторитет в русской церкви XIX века митрополит Филарет Московский часто перечитывал «Откровение», но говорил, что картины, возникающие на его страницах, не должны «дразнить воображение».

Апокалиптическая тревога, переходящая в панику с «назначением» конкретных дат Конца света, характерна для «народного» как его называют, или *демотического* христианства, тяготеющего к сектантству того или иного рода. Церковь — сосуд, призванный пронести в века изначальную Истину христианства, не расплескав ее по дороге, а секты потому и называются сектами, что полноту христианства удержать не в состоянии и нередко проникаются форсированно-апокалиптическими настроениями; особенно когда к этому побуждают те или иные объективные обстоятельства — опустошительные войны, голод, эпидемии и т.п. Так было, например, в Средние века с анабаптистами или таборитами. Последним веком, прошедшим в напряженном ожидании Конца света, был XVI. (На Руси страшная апокалиптическая судорога, кончившаяся массовыми «гарями», пришлась на XVII век и была вызвана утратой равновесия при столкновении с культурой Запада.) Свидетельством того времени осталась, в частности, серия гравюр Дюрера «Apocalipsis cum figuris» и его же

Каграманов Юрий Михайлович — культуролог, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Предыдущие публикации в «ДН» — «Осуждение Фауста, акт 8-й» (2017, № 10), «Европа в поисках души» (2018, № 7), «Понять другую веру» (2019, № 3).

«Меланхолия» — изображение печальной женщины, сидящей под песочными часами, в которых большая часть песка уже просочилась в нижний сосуд.

Но уже в следующем, XVII, веке духовная энергия Европы мало-помалу начала перетекать на сторону научного мировоззрения. Родилась и крепла идея сплошной логичности мира и связанная с нею идея прогресса, движения от несовершенного к совершенному, устремленного в бесконечность, и ни о каком обрыве на этом пути не помышлявшая¹. Еще в 1900 году Мережковский писал: «Для детей века сего, людей бесконечной середины, бесконечного “прогресса”, продолжения мира, нет ничего смешнее, глупее, невероятнее, оскорбительнее, чем эта главная мысль всего христианства — мысль о к о н ц е м и р а»².

Но как раз на пороге XX века эта мысль все чаще посещает поэтов и людей искусства, в России и в Европе. В России особенно, здесь усиливается предчувствие близкой катастрофы: у Соловьева и Блока, у Бунина и Белого, Скрябина и Рахманинова. И когда приходит семнадцатый год, события воспринимаются как «Апокалипсис наших дней» — именно так назвал свою последнюю книгу Василий Розанов. Хотя это, конечно, гипербола: происходящее дает только предощущение Последнего часа, весьма еще далекого. «Черный ветер, белый снег», в том значении, какое они получают у Блока, — только намек на то, «чему быть должно» в свое время, только предощущение потустороннего восторга и ужаса.

Точен был Максимилиан Волошин в своем восприятии тех лет:

Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда...

Именно так: про-образы.

Человечество движется к Апокалипсису когда плавно, а когда толчками. В последнем случае рвется наработанная веками социальная и культурная вязь и из точки Конца доносится «шум вод многих» (Откр. 1:15), в обычных условиях трудноразличимый за житейскими шумами.

Схожий толчок испытала Германия на исходе Второй мировой войны. Весной 45-го Томас Манн, заканчивая роман «Доктор Фаустус», посадил своего героя, композитора Леверкюна сочинять музыку на тему дюреровского «Апокалипсиса с фигурами». Ее «жуткие хоры» о «почернении солнца», о «кровоточащей луне» и т.п. созвучны были происходящему на полях Германии.

Катастрофа постигла две самые духовные страны Европы, Россию и Германию, причем в последнем случае она, похоже, непоправима. В 2017-м в Берлине вышла книга видного историка-медиевиста Рольфа Зиферле (незадолго перед тем покончившего с собой) «Finis Germania» (правильный перевод с латинского языка, не знавшего запятой: «Конец, Германия»), где утверждается, что в 45-м его страна получила «апокалиптический ожог», от которого ей уже не излечиться. Книга вызвала скандал, но многие рецензенты согласились с выводами автора, хотя бы сквозь зубы.

Но почему в последние десятилетия, скажем мягко, озабоченность Концом света демонстрируют Соединенные Штаты, страна, никогда не знавшая серьезных потрясений (Гражданская война — единственное исключение) и подававшая себя как пример устойчивой и комфортабельной цивилизации?

Отчасти причиной тому религиозная почва, из которой выросли Соединенные Штаты. Господствующей религией там всегда было и остается *демотическое* протестантство, не ощущающее над собою дисциплинарной руки Церкви и не уделяющее большого внимания суждениям квалифицированных богословов. Как написал один католический автор, этим овечкам не хватает надежной овчарни. В Америке были выдающиеся богословы протестантского направления (из тех, что мне

хорошо знакомы, назову братьев Ричарда и Рейнхольда Нибуров, с трудами которых не грех познакомиться и христианам других конфессий), но их влияние слабое, а реальным авторитетом пользуются случайные харизматики, способные привести общины в экстатические состояния. И они возбуждают апокалиптические темы при первых признаках «почернения солнца», как оно им представляется. Даже в благополучном XIX веке в разных концах страны не раз возникала апокалиптическая паника с ожиданием конкретных дат Конца света, кем-то «назначенных».

Сегодня 60 процентов американцев верует в предначертания «Откровения»³, а евангелисты (как теперь стали называть фундаменталистов) толкуют происходящие в мире события сквозь призму этих предначертаний. Даже в светских по основному содержанию журналах можно найти рассуждения о том, кто сегодня Гог и Магог, и кто «шестой царь», в какой стороне искать «жену, облеченную в солнце», с кем могут быть идентифицированы «любодеи и любодеицы Вавилона» и т.д. Это слишком торопливый, преждевременно-приземленный подход к текстам Иоанна Богослова, равно как и к некоторым пророчествам Ветхого Завета. «Откровение» — книга видений, не поддающаяся немедленной расшифровке и переводу на рациональный язык. «Тусклы и неясны остаются образы на недопроявленной пленке», — пишет о них прот. Сергей Булгаков. Лишь в конце времен, то есть уже постфактум, станет ясно, что имел в виду апостол.

Возможно, что «эсхатологическое нетерпение», свойственное американским протестантам, психологически как-то связано с их практическими действиями. Такими, как бомбардировка Хиросимы. Некоторые эксперты высказывали тогда мнение, что для того чтобы заставить японцев, достаточно было пригласить их на первое испытание атомной бомбы в Аламогордо. Но кому-то понадобилось показать эффектный «спектакль», предвосхищающий Конец света и напугавший далеко не только японцев.

После Хиросимы мысль о Конце мира никому уже не казалась смешной и невероятной. Чем бы ни занимались люди в разных концах Земли, у них уже «сосало под ложечкой». И чем дальше, тем сильнее — шли год за годом, и появлялись все более разрушительные виды ядерного оружия, совершенствовалось химическое и бактериологическое оружие, в самое последнее время взяты на вооружение уже совершенно фантастические средства ведения войн. Глобальные разрушения могут произойти не только в результате военных действий, но и в мирных условиях: причиной их могут стать технологические сбои, ошибки ученых, например тех, что имеют дело с бактериями, способными вызвать мировую пандемию. Если бы Господь захотел разделиться с человечеством руками самих людей, Он должен был бы испытать, как говорят французы, *embarras de richesse*, «затруднение от избытка (да простится мне такого рода фамильярность) — слишком много способов сделать это, руководствуясь «подсказками» людей.

Произошло, как говорят, «раздвоение Апокалипсиса» — на тот, что должен совершиться по воле Бога, и другой, который человечество может устроить само себе как будто «в порядке самостоятельности». Но во втором случае говорить об Апокалипсисе некорректно, потому что никакого Откровения в итоге не ожидается. Ожидается только глухая стена «Острова мертвых» (имею в виду знаменитую картину Беклина).

Парадокс: научно-техническая мысль в продолжение последних веков была знаменосцем прогресса, и вот, совершив обходное движение, она приводит к «Острову мертвых».

Освальд Шпенглер в одной из позднейших своих работ, «Человек и техника» (1931), утверждал, что именно научно-техническая экспансия станет в конечном счете причиной гибели «фаустовской» цивилизации⁴. Техника восстанет против своего создателя и погубит его. Ибо бег научно-технической мысли, которым, как считает человек, он управляет, на самом деле совершается против его воли: в этой бешеной упряжке победитель мира будет загнан насмерть. Это будет последний акт западной и,

вероятно, всей мировой истории — акт «самосгорания фаустовской энергии». Главное Действующее лицо последнего, как и всех предыдущих актов, Шпенглером не берется в расчет.

Главный распространитель апокалиптических настроений сегодня — это Голливуд. Апокалиптические, а точнее, пост-апокалиптические фильмы, в просторечии именуемые *пост-апами*, стали основным жанром американского кинематографа, отхватившим часть территории у соседних жанров, таких как научная фантастика и фэнтези, и частично слившихся с ними. Понятие «Апокалипсис» в них выхолощено: никакого Откровения в них, естественно, нет и не может быть, предметом изображения делается глобальная Катастрофа того или иного рода, после которой жизнь на Земле там и сям возобновляется в урезанном, опростелом виде. Согласно «Откровению», за Концом света следует Тысячелетнее царство Христово (число тысяча здесь символично, хронологически это может быть год или даже неделя), о котором вряд ли можно что-то сказать, кроме того, что оно будет.

С конца прошлого века вышло несколько сот (так!) этих *пост-апов*, включая некоторые европейские фильмы, следующие в русле Голливуда. Я принудил себя посмотреть их десятка два или, может быть, три (не наобум выбранных, но следуя рекомендациям критиков). За одним только исключением («Меланхолия» Ларса фон Триера, но это европейский фильм) я не нашел в них сколько-нибудь художественных достоинств. Как правило, удаются только картины разрушений и еще изощренность в изображении всякого рода злыдней — такому искусству мог бы позавидовать гоголевский Вакула, старавшийся изобразить черта как можно гаже. Но *пост-апы* интересны не с художественной стороны, а со стороны социологической и футурологической. Они представляются «опытным полем», где прослеживаются трансформации американского характера, от которых зависит будущее Америки; и как считают даже в теперешних обстоятельствах не утрачивающие фанаберии американцы, также и остального мира.

Что примечательно: обычно Голливуд, зараженный левацкими идеями, оказывает соответствующее идеологическое давление на аудиторию, хотя в то же время вынужден считаться, в той или иной степени, с ее запросами. Но в случае *пост-апов* обратная связь оказывается сильнее. А сигналы, исходящие от аудитории, можно охарактеризовать как смутно консервативные по преимуществу.

Со вкусом, как будто даже и с удовольствием, показаны картины разрушенных городов. Оставшиеся целыми, но совершенно пустые города тоже производят впечатление. Один писатель-фантаст еще в 30-х годах представлял себе такую картину: моторы продолжают вращаться и флаги на башнях реют по-прежнему, а люди исчезли. Америка всегда была витриной урбанизма, а вместе с тем в американцах укоренено неприятие большого города, городской жизни, этого злокачественного питомника всех и всяческих пороков («Уолден» Генри Торо оставил длинный след в американской культуре). В этом убеждает, например, фильм «Разделитель» (2011): группа жителей Нью-Йорка, укрывшаяся в убежище после ядерной бомбардировки, с каждым днем все больше опускается, пока не становится совершенно омерзительной; и ясно, что губит их, как говорит русская поговорка, «не теснота, а лихота» и что «лихота» созрела в них еще в мирной жизни; теснота, впрочем, тоже не лучшим образом сказывается на поведении людей.

Я что-то не припомню, чтобы в каком-нибудь из *пост-апов* на развалинах больших городов зачиналась новая жизнь. *Пост-ап* уводит прочь из города, на большую дорогу. Здесь тоже кругом разрушения, но здесь по крайней мере открывается пространство для приключений, до некоторой степени схожее с пространством классического вестерна. Американцы всегда испытывали ностальгию по временам Дикого Запада — «когда люди были людьми, а лошади были лошадьми». В *пост-апах*,

конечно, подсветка другая. Бандитов на дорогах стало несравненно больше, и стали они злее, безжалостнее. В фильме «Всадники» (2008) банда молодых людей, облаченных в нечто, представляющее собою попури из амуниций всех времен и народов, совершает неправдоподобно жестокие преступления, вживаясь в образы всадников «Апокалипсиса». «Всадников не четверо, — говорит один из них, — их миллионы. Они родились в этом гребаном мире, который даже не хочет их понять».

«Насмешка горькая обманутого сына»?

Немногим симпатичнее *сервайвелисты*, те, кто хочет выжить любой ценой, с ними тоже надо быть настороже.

Но звучит и другой мотив: сохранения человечности. В фильме «Дорога» (2009) неприкаянная пара, отец и его маленький сын, бродят по дорогам разоренной страны и, повстречав на своем пути множество плохих людей, повторяют, как зарок: «Мы всегда будем хорошими, что бы ни случилось». Хороших в фильмах немало, но и им, когда этого нельзя избежать, приходится быть жестокими.

Нео-вестерн — не только приключение, но и своего рода эвристика: Америка нащупывает там свое будущее. Чаще всего оно преподносится в образе небольшого поселения, очень похожего на традиционный смолл-таун, где все друг друга знают и при случае готовы друг другу помочь. Но в отличие от традиционного смолл-тауна такое поселение окружено высоким забором, и жители его готовы оборониться от любых непрошенных гостей. Как правило, в этом революционно-архаизированном мире мало что остается от современных технических устройств; разве что стрелковое оружие; при том, что патроны здесь в большом дефиците.

Между прочим, здесь не приветают ни геев, ни лесбиянок, ни иных носителей каких-то «передовых» взглядов (есть исключения, но они подтверждают правило). В некоторых фильмах, где есть такие поселения, обращает на себя внимание скандальное отсутствие черных или скуластых лиц.

Мир науки — наиболее вероятный виновник ожидаемой мировой Катастрофы. Естественно, что эта тема постоянно присутствует в *пост-апах*.

Наиболее эффективные средства уничтожения жизни на Земле — все виды оружия широкомасштабного действия. Но кроме прямого их действия возможны и, так сказать, побочные, не менее смертоносные: они возникают на стадии исследований и испытаний. В фильме «Мгла» (2007) ученые по ошибке открывают окно в какой-то другой мир, в результате чего на землю наплывает туман, из которого вылетают стаи гигантской саранчи, похожей на скорпионов, кусающей людей смертельными укусами; это очень похоже на то, что описано в «Откровении» (9: 2-4). В фильме «Безумцы» (2010) ученые нечаянно отравили какими-то бактериями реку, откуда местные жители берут воду для питья, отчего все они сходят с ума. В другом фильме, «Конец света в один день» (2017), ученые умудрились отравить целый океан, и, как одно из последствий, на поверхность всплывают все люди, когда-либо в нем утонувшие; что в точности соответствует написанному в «Откровении»: «море отдало мертвых, которые были в нем» (20: 13).

Особая тема — научно-техническое преобразование самого человека. Пионер в этом деле — соседствующая с Голливудом Силиконовая долина: здесь обитают «боги», создающие ИИ (искусственный интеллект), призванный стать для человека помощником и поводырем (и в этом ограниченном смысле полезный), но обещающий стать его хозяином или даже вовсе сжить его со света. Энтузиасты ИИ видят в них торжество своего рода спиритуализма, освобождающего от власти тела, слишком «заземленного» и нечистого. Пишет один из них, религиовед Роберт Гераси: «В конечном счете обещания апокалиптического ИИ практически идентичны обещаниям еврейских и христианских апокалиптических традиций»⁵. Но *spiritus*, дух, не может родиться из машины. ИИ может сравниться — и выиграть от сравнения, ибо мыслит чуть ни в миллион раз быстрее — не собственно с человеком, а с некой его

проекцией на плоскость. Создатель ИИ «сплющил» себя до плоско-рационального существа как будто специально для того, чтобы дать компьютеру себя победить на этом ристалище. У естественного человека мысль связана с чувством, с интуицией, и мыслит он и чувствует всеми органами своего тела, в первую очередь сердцем. Это понимал Железный дровосек из «Страны Оз»: «Когда приходится выбирать между мозгами и сердцем, я выбираю сердце».

Любое человеческое творчество — слабое и по большей части искаженное эхо от всемогущего «Да будет!»

«Боги» Силиконовой долины не могут сравниться с Богом без кавычек хотя бы уже потому, что Бог — прежде всего Художник (Первохудожник, как называют его некоторые отцы Церкви, а по выражению В.Н.Лосского, «Поэт Неба и Земли») и человека Он создал, как известно, «по образу и подобию своему». А угловатые роботы, что выходят из рук человека, скорее безобразны. Показательно, что эти искусственные «мудрецы» ничего не понимают в художественных текстах, не говоря уже о музыке и изобразительных искусствах.

«Некрасивость убьет», пророчил Достоевский (устаами Тихона в «Бесах»). Можно поверить гармонию алгеброй, но нельзя первую заменить второй.

Как реагирует Голливуд на творчество соседей? Фильмов, в которых героями выступали бы роботы, вероятно, нет (мультки для детей, где роботы выполняют функцию игрушек, не в счет). Есть фильмы, в которых фигурируют андроиды, фантастические существа — внешне они ничем не отличимы от человека, только внутри у них, если надрезать кожу, видны какие-то железки. По сюжету среди них есть враги и есть друзья человека. У последних есть своя функция: они нравственно выше обычных людей и являются для них живым (как бы живым) упреком; так, по крайней мере, обстоит дело в фильмах «Искусственный интеллект» (2001), «Из машины» (2007), в сериале (еще не оконченном) «Мир Дикого Запада». Даже железки внутри, как представляется, дают им эстетическое преимущество в сравнении с естественными, «мясными» людьми с их «нечистыми» внутренностями. Причудливый выверт для Голливуда, во многих фильмах которого бесстыдно демонстрирует себя нечистая животность.

А вот более реальная, по крайней мере в перспективе, «загрузка» тела человека каким-то другим сознанием редко у кого может вызвать энтузиазм. Яркий пример: фильм «Тринадцатый этаж» (1999). Здесь неоднократная «загрузка» персонажей чуждой им памятью создает невообразимую путаницу, когда становится невозможным понять, кто здесь кто. Зрителю, если он не Борхес, не может понравиться, когда у него из-под ног выбивают основание, на котором строится его «я», превращая его в чью-то игрушку, в простой пучок электронов. Вероятно, испытываемое им чувство передает реплика полицейского в финале, адресованная виртуозам ИИ: «Да оставьте вы нас, наконец, в покое!»

Поводя итог, можно сказать, что охолощенный мозг вызывает преимущественно недоверие у массы зрителей, что в перспективе может породить некое подобие луддизма. У ваххабитов, обещающих все институты Силиконовой долины сравнять с землей, руки до них, может быть, не достанут, но вполне не исключено, что когда-нибудь это могут сделать адепты каких-то иных исповеданий.

Еще одна тема, ставшая в *пост-апах* постоянной, — зомби-апокалипсис. Это странное на первый взгляд явление, зомбомания, зародилась в Соединенных Штатах в конце прошлого века и распространилась на Западную Европу; более того, «живых мертвецов» запустили в европейское прошлое: к примеру, в фильме «Гордость и предубеждение и зомби» (2016) они терроризируют Англию начала XIX века, мир Джейн Остин. В сериале «Игра престолов» (2012 — 2019), имитирующем Средневековье, тоже преимущественно английское, целое полчище зомби, именуемое «армией ночи», представляет главную опасность для всех остальных.

Зомби — емкий образ, допускающий различные толкования. Можно увидеть в нем развитие традиционной, со времен романтизма, темы двойничества, только здесь оно принимает гротескный вид: любой человек, укушенный зомби, сам превращается (в одних фильмах сразу, в других спустя недолгое время) в такового же, то есть в бессмысленное, бессловесное существо, жаждущее лишь покусать другого человека до смерти. Здесь прочитывается и утрата доверия к ближнему, даже самому близкому, родному человеку: раз он от одного укуса может обернуться зверем, значит, он потенциально является таковым. Сказывается страх и отвращение к смерти, которое секулярно мыслящий Голливуд навязывает аудитории: умерший человек превращается в злое и враждебное существо. (Привет Силиконовой долине, обещающей человеку бессмертие!) Возможно, здесь сказывается и страх перед дальними, человеческими множествами из Третьего мира, затопляющими Штаты и Запад Европы.

Зомбомания — это и надругательство над покойниками, в понятиях христианства требующими совсем иного к себе отношения.

Можно усматривать в явлении зомбомании очередной этап наступления Африки на Евро-Америку, начавшееся примерно сотню лет назад. Культ «живых мертвецов» зародился в Африке, точнее, в той ее метафизической зоне, которую Джозеф Конрад назвал «сердцем тьмы», оттуда он перекинулся на Гаити, где получил название *вуду*, а оттуда уже в Северную Америку и потом в Европу.

Недоверие к человеческим множествам сказывается в фильме «Ной» (2014). Когда люди, желающие спастись от потопа, штурмуют выстроенный Ноем ковчег (эпизод, которого нет в Библии), он безжалостно уничтожает их всех, хотя это не зомби, а обычные люди, среди которых есть даже праведники. «Время милосердия прошло», — оправдывает Ной свое поведение. Это необычно для американского кино, где «народ», как правило, вызывает демонстративное сочувствие.

История библейского Ноя может служить парадигмой для большей части *пост-апов*. Небольшая группа людей, спасаясь после гибели мира, на развалинах его начинает «все сначала», во многом повторяя опыт далеких предков. Некоторые критики допускают, что в таких картинах проигрывается реальное будущее и что такой ход дел соответствовал бы представлениям о циклическом характере исторического процесса. В истории, действительно, совершаются возвратные движения (представление о циклическом характере исторического процесса поддерживали, в частности, два крупнейших историософа прошлого столетия — Арнольд Тойнби и Питирим Сорокин). Но смена одного цивилизационного типа другим совсем не обязательно предполагает болезненный разрыв с прошлым. Возьмите классический пример: переход от Античности к Средневековью. Полного разрыва с прошлым тогда не было: по-прежнему церкви звонили в колокола, созывая верующих, в монастырях сохранялись хотя бы начатки учености, в миру отдельные книгочеи продолжали смаковать тонкости латинской и греческой литературы и т.д., что уже в конце VIII века привело к так называемому Каролингскому возрождению. А то, как представляют будущее некоторые *пост-апы*, фактически означало бы возвращение едва ли не к Каменному веку.

А если это возвращение к Средневековью, как в побившей все рекорды популярности «Игре престолов» (это тоже *пост-ап*: действие происходит спустя восемь тысяч лет после глобальной Катастрофы, о которой ничего толком не сообщается, но которая по некоторым признакам была вызвана ядерной войной) и ряде других фильмов, то далеко не к лучшим его составляющим. Вот уже сто лет, как историки и философы усматривают впереди «новое Средневековье», но дают ему разное толкование. Одни (Бердяев — самый яркий пример) ценят в Средневековье духовную высоту и творческую энергию и надеются на возрождение именно этих качеств. Другие, их больше, видят в «новом Средневековье» «темнеющую судьбу» европейского человечества. В любом случае смена исторических циклов — очередной толчок в направлении к Апокалипсису, но никак не самый Апокалипсис.

В сторону «темнеющей судьбы» клонит зрителя и «Игра престолов». Известный экономист-глобалист Жак Аттали, посмотрев только часть сериала, пришел в ужас. «Игра престолов», пишет он, в точности предсказывает возвращение к Средним векам, которое ожидает нашу планету в недалеком будущем. И далее: «Новое Средневековье уже здесь. Оно нас восхищает. Оно полно прекрасных историй и обещаний. Оно полно варварства. Оно ждет нас»⁶.

«Игра престолов» черпает большим черпаком из гуши средневековой, преимущественно английской истории, выбирая самые острые на вкус куски и совершенно «не замечая» христианства, на котором вся средневековая жизнь была настоена (здесь, как и почти во всех остальных *пост-апах*, Голливуд остался верен основной своей идеологии — неприятию христианства). Зрителя соблазняют возвращением к «природе вещей», к миру, где сильные помыкают слабыми, где оправдан произвол, если он исходит от власть имущих, где жестокость так же естественна, как в животном мире.

«Янки из Коннектикута» Марка Твена (тот, что попал ко двору короля Артура), если бы он мог посмотреть «Игру престолов», поразился бы «дремучести» того, что он увидел, и посочувствовал бы персонажам, которых столько веков отделяет от возможности дышать воздухом свободных Соединенных Штатов. А нынешние янки, судя по откликам, заморожены поведением своих «дремучих» предков, что вряд ли обойдется без последствий.

Ошибочно думать, что увиденное на экране остается где-то на поверхности сознания. Знаменитый русский правовед Л.И.Петражицкий писал, что прежде чем поступить тем или иным образом, человек имеет перед глазами «образы поступков». А основной их «поставщик» сегодня — экраны кино и телевидения. Оседая в подсознании, образы «игры престолов» и подобных фильмов, могут всплыть в определенный момент и подтолкнуть к действиям в направлении даже не консерватизма, а самой глухой реакции.

Кинорежиссер Уинстон Диксон отмечает, что невысокое художественное качество *пост-апов* уже само по себе говорит о закате цивилизации. Пожалуй, что так. Пока что честь западного кинематографа в апокалиптическом жанре спасает только «Меланхолия» фон Триера (2011).

Заставка к фильму, как и его название, прямо соотнесены с картиной Дюрера: мы видим лицо женщины, выражающее скорбь. Это героиня фильма (ее играет Кирстен Данст). Соответственно действие начинается с ее свадьбы. Как и полагается невесте, она выглядит счастливой. Лишь потом мы узнаем, что она просто пыталась «соответствовать» событию, считающемуся самым радостным в жизни человека. Но в данном случае из него вынуто что-то важное, оставлено мелочное и деланное. И в какой-то момент Джастин, так зовут героиню, срывается: распугивает гостей, не исключая жениха, спешащих покинуть неудавшийся праздник, и уединяется в саду, где открывается загадочное ночное небо и звучит трагическая музыка Вагнера.

Вторая половина фильма посвящена экстраординарному событию: к Земле приближается какая-то светло-голубая планета, во много раз превосходящая ее размерами. Ученые утверждают, что по их расчетам она пройдет мимо Земли, но чем дальше, тем яснее становится, что столкновение неизбежно. У Джастин такая перспектива вызывает как будто даже удовлетворение. «Земля — зло, — говорит она. — Не надо по ней горевать. Никто не станет о ней жалеть». Что-то подобное уже было сказано: «И воззрел Бог на землю, — и вот, она растленна: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. 6 : 12).

По мере того, как планета приближается к Земле, нагнетается такая жуть, какую ни в одном другом фильме я не ощущал: чудовищная масса мертвой материи нависает над Землей, готовясь раздавить все, что на ней есть, и все, что на ней было. Но когда

она нависает еще ближе, в телескоп можно разглядеть, что она не мертвая: есть в ней какое-то шевеление, какая-то жизнь. Сестра Джастин, поначалу смертельно напуганная, находит даже, что она «как будто дружелюбная». И ее светло-голубой цвет — это ведь не цвет смерти (так, по крайней мере, в европейской символической системе). Выразителен взгляд Кирстен Данст-Джастин, устремленный в небо перед самым столкновением: его можно расшифровать как «прикосновение к Тайне» (вся история на этом взгляде сфокусирована). И когда, наконец, происходит столкновение, оно вызывает совсем небольшой взрыв, но голубая при этом не губит Землю, а мягко втягивает ее в себя.

По чувству это близкий к христианству фильм; что неожиданно для режиссера с репутацией ироничного модерниста. Только символика его нуждается в некотором перетолковании. Светло-голубая планета — «другое я» Земли, но она не должна явиться извне (сама Джастин уверена, что «жизнь есть только на Земле»), но как результат преображения самой Земли.

Я сосредоточился на кинематографе, потому что это сегодня наиболее эффективное средство воздействия на умы и чувства; и круг кинозрителей несравненно шире круга читателей таких, скажем, авторов, как Стивен Кинг или Кормак Маккарти (называю наиболее известных писателей, пишущих в жанре *post-ap*). Но и участие массовой литературы в возбуждении апокалиптических настроений нельзя недооценивать, тем более, что это она в большинстве случаев дает сценарную основу для кинофильма. Говорят, что и в электронных играх широко представлен *post-ap*, сызмала приучающий детей к картинам разрушений и жизни среди руин. Своего рода тренировка, готовящая их к ожидаемому — порою даже кажется, что желанному — Апокалипсису. И наконец — *last but not least* — свою роль в этом деле играет рок-н-ролл, в широком смысле как музыкальная форма с ударным ритмом; некоторые авторы расширяют его значение, считая рок своеобразной религией.

Есть рокеры, хриплым голосами («охрипый голос», говорит пушкинский Вальсингам, приличен песне, славящей царствие Чумы) открыто славящие дьявола и афиширующие свое с ним родство. Говорят, что это всего лишь игра. Может быть, хотя это опасная игра. «Сущность противоположности “игра — серьезное” скрывается из виду в непроницаемых глубинах психологии животных, — писал Йохан Хейзинга. — Современная западная культура получила сомнительную привилегию довести до высшей степени это смешение жизненных сфер». Но в конце концов важен у рока не текст (он может быть, чисто условно, «позитивным»), важно то, что он ломает ладово-структурные нормы традиционного европейского мира.

Музыка, есть такое определение, это «говорящая невыговоренность». Писатель и музыковед Дэвид Клауд пытается выговорить смысловое содержание рок-н-ролла: это, по его словам, «саундтрек к вероотступничеству последних времен»⁷. Клауд приводит мнения коллег о рок-н-ролле: это «мультимедийный проект деградации», это «жизнь на грани катастрофы», это «мохнатый зверь, которого хочется обнять, забыв, что у него есть когти».

Рок — это лихорадочный ритм. Он отводит исключительную роль барабану, вообще ударным. Барабан допускает такое фортиссимо, какое невозможно ни на каком другом инструменте. Как правило, это знак тревоги. Позитивный смысл содержит только мелодия; даже военные марши, в которых барабан играет важную роль, всегда мелодичны. Более или менее мелодичным был еще и ранний рок, но в дальнейшем в нем остался один *бит* — как «приглашение к Концу», по выражению того же Клауда.

Источником ночных страхов, исходящих с южной стороны, является ИГИЛ. Как «царство» ИГИЛ повержен, или почти повержен, но как состояние умов обещает

жить, распространяясь далеко за пределы бывшего «царства». К игиловцам может быть отнесена характеристика, которую дал В.О.Ключевский русскому расколу: «паническое изуверство», с тем существенным отличием, что жертвами своего умоисступления раскольники делали самих себя, а игиловцы делают ими также и даже главным образом других, верующих и мыслящих иначе.

Исламская апокалиптика во многом близка христианской, но она не выпячивалась в «классическом» Халифате, принявшем на себя роль «удерживающего сейчас». Взвинченные апокалиптические настроения периодически возникали в народных массах, доверившихся случайным проповедникам-харизматикам. Здесь возможна некоторая апология с американским протестантством: у мусульман тоже нет структурированной Церкви (точнее, ее нет у суннитов, у шиитского меньшинства некоторое подобие Церкви есть и поэтому у правоверных шиитов нет лихорадочного ожидания Апокалипсиса, есть всегда ровная готовность встретить его), духовным авторитетом у них может считаться каждый, кто знает наизусть Коран.

Аль-Каида, породившая ИГИЛ, не акцентировала близость Конца света; она ставила перед собою практически-политические задачи. Бен Ладен, выходец из кругов саудовской элиты, тоже мечтал о возрождении Халифата с прежней столицей в Багдаде, но в его мечтах это был пышный Багдад времен «Тысячи и одной ночи», а новоявленный «халиф» аль-Багдади хотел видеть Багдад таким, каким его основал халиф аль-Мансур — больше похожим на военный лагерь, чем на город. И чтобы население его было не «аморфной массой», но дисциплинированным воинством, готовым, от мала до велика (нигерийское ответвление ИГИЛ из восьми-двенадцатилетних девочек готовит шахидок-самоубийц), сразиться с Даджалом (исламский аналог Антихриста), который «спешит как ветер», ибо Аллах «убыстрил время» (цитирую игиловские пропагандистские листки).

Не Град Божий, но бивуак на близком пути к Концу. И призыв к птицам-стервятникам на великий ужин.

Черный ветер, белый песок....

В отличие от Аль-Каиды, игиловцы нашли средство распространения своего влияния на весь мусульманский мир и даже за его пределы — это социальные сети. Они сумели привлечь на свою сторону немалое число молодых людей в Европе (включая и Россию) и Северной Америке — кого бивуачным «порядком», а кого перспективой всеобщей гибели и воздаянием в раю оставшимся верными Аллаху.

Насколько известно, пропагандистский аппарат ИГИЛ никуда не исчез и прячется от вражеских беспилотников где-то в юго-восточной Сирии, в краю песчаных бурь. И состоит он в основном из выходцев из Европы и Северной Америки. Известно также, что игиловская пропаганда широко использует опыт Голливуда.

Что в некоторых, «омытых кровью» странах Ближнего Востока произошла вспышка апокалиптических настроений, это еще понять можно. Но как оправдать, что нечто подобное происходит в пока еще относительно благополучных Соединенных Штатах? Пишет голливудский сценарист Джон Варли: «Все мы любим постапокалипсис. Иначе жанр не был бы настолько популярен... Все-таки есть нечто привлекательное в том, что большая часть человечества будет стерта с лица Земли. Разумеется, это ужасно, разумеется, нам очень жаль всех этих умерших людей. Но потаенная часть нашего «я» считает, что выжить и начать все заново было бы не так уж плохо. По секрету, мы знаем, что мы-то выживем. Умрут другие». Спасибо, как говорится, за откровенность.

Америка, взявшая себе роль возглавителя человечества, хочет остаться таковым и в исключительной «ситуации Конца света», исподволь приучая себя и остальное человечество к мысли, что он уже вот-вот наступит. Хотя это будет не совсем Конец. И не для всех. Подавляющая часть населения планеты превратится, если воспользоваться

выражением Щедрина, в «материал для обугливания», но избранные сверхчеловечки продолжат существование и даже сделают жизнь в каком-то смысле более интересной.

Здесь верно только одно: что глобальная Катастрофа как дело рук человеческих близка. Но думать надо не о том, что после, а о том, что до.

К месту процитировать святого в католичестве Фому Аквинского: «Мы должны молиться, как если бы все зависело от Бога, мы должны действовать, как если бы все зависело от нас».

В русском православии во второй половине XIX века зреет созвучное убеждение, что мир сей, хотя и управляется Божьей волей, замкнут и самобытен; и потому судьба человечества в определенной степени зависит от него самого. В следующем столетии эту линию продолжили два великих богослова — прот. Сергей Булгаков и прот. Георгий Флоровский. Пишет о.Г.Флоровский: «Эсхатологический промежуток» (время, остающееся до *эсхатона*, предела истории. — Ю.К.) есть время решений — решений, принимаемых людьми. Бог свой выбор сделал»⁸.

На протяжении двух тысячелетий не раз возникал спор о Конце света: «петухи» спорили с «совами». «Петухи» ни свет, ни заря кукарекали: пора готовиться к Концу. Мудрые «совы» отвечали: еще рано. Но сейчас «петухи» настаивают на своем «с фактами в руках». Так, французский инженер и философ Жан-Пьер Дюпюи считает, что близится не просто глобальная Катастрофа, но «конвергенция катастроф» — системной, экологической, демографической, социальной, энергетической, экономической, информационной (мир напичкан информацией, которую он не может переварить и осмыслить). Беда в том, что мало кто в это верит. «Мы, — пишет Дюпюи, — не верим в то, что мы знаем... Мы считаем Катастрофу невозможной, в то время как данные, которыми мы располагаем, говорят о том, что она неизбежна, или почти неизбежна»⁹.

На вопрос, что делать, Дюпюи дает неожиданный ответ: а ничего. То есть пока ничего. Надо подождать, пока не станут явственными первые раскаты грома. Выходит по русской пословице: пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

А вот знаменитый английский астрофизик Мартин Рис, член Римского клуба, в книге с провокативным названием «Наш последний век» высказывает мнение, что ждать дальше нельзя, что надо действовать так, как если бы вы были уверены, что живете последние дни.

Но что все-таки нужно делать, чтобы, как выразился Дюпюи, «поменять судьбу»? Ответы на этот вопрос можно найти в рекомендациях того же Римского клуба, вот уже несколько десятилетий функционирующего и объединяющего в своем составе несколько сот ученых и публицистов со всего мира. Кого-то они шокируют своим радикализмом, но, очевидно, полумерами теперь не обойтись. Прежде всего надо сокращать численность мирового населения (это не относится к России, где огромные пространства еще нуждаются в заселении; для нас актуален другой вопрос — разукрупнения городов). За последние сто лет население планеты выросло с полутора до семи с половиной миллиардов. В следующие одно-два столетия, говорят нам, его необходимо сократить до оптимального уровня — один-два миллиарда; существуют вполне гуманные средства добиться этого¹⁰. Разрежение населения должно привести к разряжению атмосферы в мире. Конечно, такой крутой поворот на сто восемьдесят градусов создаст множество проблем, но иного решения, вероятно, нет.

Далее, нужно сокращать промышленное производство, тоже радикально, хотя и постепенно. Это станет возможным не только благодаря уменьшению числа потребителей, но и благодаря уменьшению душевого потребления до уровня жизненно необходимого.

Наконец, общество и государство должны установить самый жесткий контроль над исследованиями науки, исключив самую возможность создания технологических ловушек, губельных для человечества.

Разряжение атмосферы в мире должно существенно уменьшить вероятность военных столкновений. Хотя совсем обойтись без войн не удастся; история не может не сохранить свой драматический характер до конца времен.

Все это, повторю, рекомендации Римского клуба. Чтобы осуществить их, требуется генеральная переверстка взглядов, что будет делом очень нелегким. Как ни трудно было «расшевелить» мир традиции, еще труднее будет заставить современный мир «угомониться». Чтобы остановить рост и добиться «отрицательного роста» (есть такой странный термин), надо прежде убить идею роста. А идея роста — производное от идеи прогресса. А прогресс с течением времени стали понимать, как движение по лестнице, ведущей вверх и в какой-то момент обрывающейся в пустоту. Об этом можно было не думать, пока последняя ступенька была далеко. Но сейчас она уже близка, рукой подать, и пришло время разобраться, где действительно прогресс, а где, как выразился Розанов, «наследили и надо подтереть».

Пришло время обуздать гигантскую технологическую Мегамашину — принудить ее ужаться, остыть. Не дожидаясь, пока ваххабит «пойдет пятою Запад попирает» (предвидение Байрона в «Чайльд-Гарольде», удивительное для начала XIX века, когда ваххабизм был едва заметен в далеких по тем временам аравийских песках). Если все-таки придет ваххабит, он, как и обещает, превратит в груды мусора большинство научных учреждений и вообще все, что отличает многосложную цивилизацию от военных поселений бивуачного типа. И даже если не придет ваххабит, то, как уже было сказано, это может сделать кто-то другой.

«Отрицательный рост» будет способствовать духовной, мировоззренческой сосредоточенности. И возможно, сообщит импульс человеческому творчеству в каких-то новых, непредставимых пока направлениях. Ничего благостного в такой перспективе не будет, ход истории, повторю это, останется драматичным до конца времен, но будут найдены какие-то новые слова, которые, может быть, останутся в вечности. Еще один выдающийся православный богослов, прот. Александр Шмеман высказал предположение, что «вечность» — не прекращение времени (очевидно, в том смысле, что не будет утрачена связь с завершившимся временем. — Ю.К.), а как раз его воскресение и собирание, что «время» — это фрагментация, дробление, падение «вечности» и что к нему тоже, и, может быть, прежде всего, относятся слова Христа: «чтобы ничего не погубить, но все воскресить в последний день»¹¹.

Вообразим, что Конец света произошел бы в 1000-м году, когда его так напряженно ожидали (его много раз напряженно ожидали и в другие годы, но в 1000-м особенно). Не стало бы творений Моцарта и Рафаэля, Пушкина и Шекспира и многого другого, что человечество смогло положить к престолу «Отца светов и духов». И глядя вперед, кто знает, что еще может быть создано человеческими руками?

Может показаться, что в приведенной выше цитате из Флоровского есть противоречие: какой смысл говорить о том, что наступает «время решений», если Бог свой выбор уже сделал? Но в горизонте религиозного мышления здесь нет противоречия: люди, пользуясь дарованной им свободой, принимают какие-то свои решения, но Бог заранее о них знает и, вероятно, учитывает их, делая свой выбор, людям, естественно, неведомый.

Как прежде, так и теперь «над нами светила молчат в вышине» (Тютчев).

Но «Откровение Иоанна Богослова» открыло перед человечеством головокружительную перспективу, которая и влечет, и страшит. И чем больше оно, человечество то есть, секуляризируется, тем сильнее проявляется у него страшливость. «Человеческое малодушие, — пишет о.С.Булгаков, — не замечает всей единственности Откровения именно как об апокалиптической р а д о с т и, которая венчает собой весь страшный путь человеческой истории с ее все сгущающимся мраком»¹².

Эта радость «растворялась» и в культуре, даже тогда, когда «конденсат» в виде

иоанного «Откровения» уже не пользовался прежним вниманием. К примеру, у Шиллера (воспитанного в западно-немецком пиетизме, но уже в молодые годы переставшего посещать храм) мы видим в стихотворении 1781 года «Дружба» устремленность

К морю света, к миру постоянства,
Где исчезнут время и пространство.

Это в точности та картина, какая рисуется в «Откровении».

Но избыточное прекраснотушение, которое мы находим у Шиллера и некоторых других романтиков, — другая крайность, противоположная чрезмерной страшивости. Весь ход истории трагичен, не может не быть трагичным и ее конец. Недаром самого автора «Откровения» мы видим здесь «другим», не тем, каким он был при жизни Христа и каким предстает в им же написанном Четвертом Евангелии. Там он — нежный юноша, исполненный возвышенной любви, единственный апостол, до последнего часа остававшийся с Христом, а здесь он, как говорят его недоброжелатели, — «злой пророк». Конечно, он никакой не злой, а совсем, как мы видели, наоборот, и даже он не пророк. На острове Патмос он оказался в роли «простого» приемника: его посетили видения, о которых он два дня и одно утро рассказывал своему ученику, записавшему его рассказ. Примечательно, что Иероним Босх в картине «Иоанн на Патмосе» изобразил его таким же нежным юношей, каким он был в день Голгофы, хотя на Патмосе ему должно было быть под восемьдесят, чего Босх не мог не знать.

И сам Христос предстает в «Откровении» «другим». В Евангелиях Он «кроток и смирен сердцем» (Мф. 11: 29), а здесь Он грозен и беспощаден — с теми, с кем следует быть беспощадным. Богословы разных исповеданий согласны в том, что первый из четырех всадников Апокалипсиса — это или сам Христос, или Некто, Им посланный. В «Откровении» Он описывается так: «...и вот конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить» (6 : 2). За ним следуют три других всадника, восседающие на рыжем, черном и мертвенно-бледном конях, которые идентифицируются как Война, Голод и Смерть. С.Булгаков пишет, что «труден» вопрос о роли первого всадника в этой четверице; во всяком случае ясно, что Он их возглавляет. Вероятно, это означает, что война, голод и смерть будут попущены Богом.

И ангелы, которых люди привыкли видеть защитниками, здесь предстают «другими». Это им выпадает вылить на землю «семь чаш гнева Божия» (16 : 1).

Что ж, даже в советские атеистические времена мы уже на школьной скамье узнавали (и даже наизусть учили): «Но есть и Божий суд... Есть грозный суд, он ждет...»

Блез Паскаль, опираясь на тексты Св.Писания, дал своеобразной «напутствие» идущим на суд Божий: «Не бойтесь, если вы боялись: но если вы не боялись, бойтесь»¹³.

Апокалипсис можно сравнить с болезненной операцией, после которой наступает выздоровление: переход из мира диссонансов в мир гармонии. Один католический теолог заметил по этому поводу, что гусенице тоже больно, когда она превращается в бабочку. Двойственность Апокалипсиса — сочетание боли с радостью — относится теперь и ко времени его наступления. Если удастся «поменять судьбу» — не дать человечеству в лице его научно-технической элиты «перехватить» у Бога (с Его поущения, конечно) дело Апокалипсиса, иначе говоря, не устраивать себе Конец света собственными руками, тогда вернется прежняя неопределенность: Конец света всегда «при дверях» и вместе с тем он может быть еще очень далек. Булгаков писал в 1948-м (то есть уже после Хиросимы), что по многим признакам мы находимся еще только в с е р е д и н е исторического процесса. Если так, то считая, что возраст

истории — как минимум пять тысяч лет, можно думать, что и впереди примерно столько же.

А значит, и настрой должен быть соответствующим. В первую очередь это относится к молодежи. У многих молодых людей в душах свищет пустота — отсюда проявления цинизма и жестокости. Бельгийский психиатр Ф. ван Меербеек пишет: «Воздух времени напоен Апокалипсисом, о котором постоянно напоминают media»¹⁴. Это как медленный яд, исподволь отравляющий существование. «Дети пубертатного возраста», — продолжает ван Меербеек, — нуждаются в руководстве, прежде всего со стороны родителей, но родители, «дети шестьдесят восьмого года», сами утрачивают уверенность в чем бы то ни было. Не думаю, что ситуация с нашей молодежью сильно отличается от ихней. Похоже, что и для нее «Армагеддон» становится привычным «домом», как в романе М. и С. Дяченко «Армагед-дом».

Надо знать, верить, куда идет «все». По Гельдерлину: «Сохранить в очах наивных // Глубину мудрости» (из стихотворения «Патмос» 1803 года).

Покойный Юрий Карякин писал: «Определимся по отношению к Апокалипсису — остальное приложится». Мне остается поставить здесь только восклицательный знак.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исключением были романтики. Некоторые из них видели завершение исторического процесса в одних только мрачных красках. У Байрона, например, Конец — наступление непроглядной Тьмы (стихотворение «Тьма»). Это совсем не то, о чем говорит «Откровение». Противоположный взгляд был у Шиллера.

² *Мережковский Д. С.* Полное собрание сочинений. Т. XI. — М., 1914. — С. 270.

³ *Kyle R.* Apocalyptic Fever. — Oregon: Cascade Books, 2012. — P. 81.

⁴ Считается, что первым, кто высказал эту мысль, был французский инженер Эжен Юзар, в год проведения первой Всемирной выставки в Париже, 1855-й, выпустивший книгу «Конец света через науку». Книгу тогда прочли и оценили Жюль Верн и Чарльз Диккенс.

⁵ *Geraci R.* Apocalyptic AI: Visions of Heaven in Robotics Artificial Intelligence and Virtual Realities. — Oxford University Press, 2010. — P. 14.

⁶ «L'Express», 7. 4. 2014.

⁷ *Cloud D.* The Character and Philosophy of Rock Music. — Port Huron: Bible Study, 2014. https://www.wayoflife.org/reports/character_and_philosophy_of_rock_music.html

⁸ *Прот. Г. Флоровский.* Догмат и история. — М.: Свято-Владимирское братство, 1998. — С. 453.

⁹ *Duruy J.-P.* Pour un catastrophisme éclairé. — Paris: Seuil, 2009. — P. 142.

¹⁰ В самых многолюдных странах мира, Китае и Индии, это начинают понимать: в ближайшие годы там начнется сокращение численности населения, причем в Китае оно будет очень значительным. Зато в Африке рост числа людей чудовищный, что грозит неисчислимыми бедами не только для самой Африки, но и для Европы, куда неизбежно хлынут массы африканцев.

¹¹ *Прот. А. Шмеман.* Дневники, 1973 — 1983. — М.: Русский путь, 2005. — С. 186.

¹² *Прот. С. Булгаков.* Апокалипсис Иоанна. — Париж: ИМКА-пресс, 1948. — С. 303.

Крымский писатель Сергей Головин не так давно выступил с книгой «Радость Апокалипсиса» (Симферополь, «Диайнек», 2014). Не читав книги, не могу ничего о ней сказать, но то, что «момент» радости вынесен в заголовок, позволяет надеяться, что это правильная книга.

¹³ *Паскаль Б.* Мысли. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. — С. 289.

¹⁴ *Van Meerbeek Ph.* Les jeunes dans l'Apocalypse. — Paris: Racine, 2012.

<https://www.racine.be/sites/default/files/books/issuu/9782390250326.pdf>